

Когда на экраны вышел фильм Эльдара Рязанова "Карнавальная ночь", песенку про пять минут вместе с блистательной Людмилой Гурченко напевала вся страна. В конце уходящего 1995 года по опросу телестудии "К-2" Людмила Марковна была названа самой любимой актрисой России. Сегодня она гость «Вечернего клуба».

Людмила ГУРЧЕНКО:

Веч. клуб - 1996 - 18 янв. - 47

Этот путь не устлан деньгами и розами

— Людмила Марковна, я с удовольствием вновь посмотрел под Новый год "Карнавальную ночь". Но сейчас бросается в глаза, что эстетика там тоталитарная: фундаментальные декорации, большой кордебалет, совершающий по-военному четкие движения...

— Это с высоты сегодняшнего дня можно рассуждать о тоталитарной эстетике. Слушайте, с тех пор прошло столько лет... Если только сейчас это "что-то" вам бросается в глаза — это гениальная картина. Это был взрыв! Необычно ускоренный темп, новый монтаж, новые джазовые аранжировки. Да что вы! Люди до сих пор ее цитируют: "Бабу Ягу брать не будем, воспитаем в своем коллективе"... Картину пять раз закрывали, а сколько лет лежал сценарий! Только Иван Александрович Пырьев, будучи тогда художественным руководителем "Мосфильма", своим авторитетом пустил ее в ход... Мы все были такие чистые, светлые. Мне в этом счастливом неведении оставалось жить полтора года, пока меня не уничтожили.

— За что?!

— Не так давно, продолжая свою книгу "Аполдисменты", я смогла об этом рассказать. Пятьдесят седьмой год, Международный фестиваль молодежи. Многих молодых людей из театральных вузов тогда вербовали для работы с приезжими иностранцами. Я на это не пошла, и меня просто уничтожили. Появилась в "Комсомольской правде" статья "Чечетка налево". Господи, да в этих "левых" концертах участвовало столько людей, таких известных! Но сосредоточилось все на мне. Я долго не могла понять причин, связать это с тем отказом. Когда вырастешь в святом семействе в Харькове, трудно понять такие вещи, с которыми потом соприкасаешься.

— И все же были эти полтора года взлета, наверное, были "встречи в верхах" и все такое?

— Да нет, никого в правительстве я лично не знала. Фурцеву видела один раз, когда меня пригласили в Кремль на банкет. Ничего "банкетного" у меня, естественно, не было, и я нарядилась в платье из "Карнавальная ночь" — я его выкупила после съемок. Пришла, Фурцева на меня посмотрела так, что я мгновенно сообразила: немедленно исчезать и больше на таких "тусовках" никогда не показываться.

— В этой картине вы играете культурботника, ваш партнер — монтер. Сейчас бы сказали: не пара, а тогда — так и надо, все равны...

— А разве в фильме "Вокзал для двоих" пианист и официантка — пара? А? Ну ладно... Да, все равно как на подбор. Если ты выдвинулся, тебя обязательно поставят на место. Как говорил Мартинсон: "Мадам, вы что хотите — чтобы вам простили талант?" Так всегда было, есть и будет. Но сейчас разрешено быть ярким. А тогда... Там, в "Карнавальная ночь", мне даже разрешили челку к концу картины. А потом: "Это вульгарно". Кружусь я в балете так, что чуть-чуть колени видно — зрительские письма: "Да как вы, комсомолка, смеете показывать?" Это было уничтожение тех, кто не как все. И я очень старалась быть, как все. У меня в книге есть такой момент:

когда я, как все, попала в роддом, роженицы разделились на тех, кто любит меня и кто не любит. После статей нелюбивших меня было подавляющее большинство. Пришлось уйти в другую палату. Да разве можно представить себе, что такое была ругательная статья в то время. После нее — не встать, а когда наступает реабилитация — ты уже полный инвалид.

— По-моему, насчет колени писал про-сто больной человек.

— Вряд ли. Человек того времени. Я окончила женскую школу. Пройдет кто-то рядом с мальчиком — на нее уже смотрят, как на падшую девочку. Раньше невозможно было содрать у актрисы бретельку с плеча, она стеснялась. А сейчас — "Мотор!", и все голые... Я сама снялась в эротическом фильме "СекСказка", и мне пришлось в себе разбираться — что я понимаю в этом, что я ощущаю. Нет, думаю, все-таки эротика — прелесть, когда чего-то видно там, а чего-то тут, и интересно, что дальше. А когда все голо и тайны нет, становится и пусто, и скучно. Да в семейной жизни — казалось бы, ближе люди быть уже не могут, но тайна должна быть. Кончается тайна — кончается семейная жизнь.

— Вот такой детский вопрос: артисты взаправду целуются?

— Не знаю, как кто. Но если бы в "Вокзал для двоих" это было бы не взаправду, грош цена этой картине... Вообще я всегда очень люблю своего партнера. Никогда не слушаю, какие о нем ходят сплетни. Не позволяю себе дурных мыслей о нем. Если есть к нему неприязнь — картину отменяю. Но в картине живу в ощущении, что это человек прекрасен; скажем, замечу, что у него с костюмом что-то не так или с прической, мягко его направлю... Да нет, все взаправду.

— Вы настолько можете управлять своими эмоциями? И плакать по-настоящему?

— На то я и актриса. Причем, я скажу, на экране мне плакать очень невыгодно. У меня сразу краснеет нос, запылают глаза — в общем, меняю сильно. Иногда это на плюс роли, но если роль эффектная, костюмная — тогда можно допустить чуть-чуть розовый нос и не рвать душу.

— Позвольте, но это вегетативные реакции, человек их не может контролировать... Технически как это достигается?

— Технически — не знаю. Знаю, как это достигается эмоционально. Уже когда работаю над сценарием, я знаю, что вот здесь будет три дня, выпавших из домашней жизни. Или две недели, если играешь смерть. Я вхожу в режим роли, в режим эпизода и живу в нем — температура тридцать девять, не соображаю, что и кто рядом. То есть осознанно технические моменты — "Будьте любезны, правее глаз", но если кто-то подойдет не вовремя, не понимая, что со мной происходит — "Здрасьте, можно вас потрогать?" или: "Слушай, Люсь, что я тебе сейчас скажу!", — в тот момент нечуткие люди — мои враги. Потому я и сложный человек для кого-то, что работаю именно так. Хотя знаю артистов, которые могут и целоваться, и автографы раздавать, и пригнать поклонников, а потом раз — и вошел в роль. Я этого не умею. Я иду в бой одна. И в концертах

никого не приглашаю, чтобы мне кричали "браво!" и дарили цветы.

— Тем не менее "браво!" кричат и цветы дарят.

— Когда я замечаю, что зал не реагирует на нюансы, легкие намеки, то начинаю играть чуть грубее, акцентировать: ага, это едят, ага, это хотят — пойму и начинаю потихоньку зал поворачивать в свою сторону. Я знаю, что в конце все будет нормально. Все, как мне хочется. Но вот эта борьба с залом происходит всегда, потому что сначала во мне видят не живого человека на сцене, а моих персонажей. От меня ждут каждый своего — знакомых по фильмам реплик, песен. Я потихонечку вставляю реплики. Но не сразу, а потом, когда введу в общее ощущение весь зал, такой разнородный, такой разновозрастной.

— Одна из песен вашего новогоднего бенефиса на ТВ оставила у меня впечатление, что вы изящно и с удовольствием мстите мужчинам за недолюбленных, брошенных женщин.

— Нет, это шутка. Просто хотелось затронуть эту тему легко, не зло. Мне понравились стихи о десятикласснице, которой еще в голову не может прийти, что ее первая романтическая любовь может закончиться грустно и впереди еще много разочарований. И я написала к этим стихам музыку, такую же легкую.

— Как, по-вашему, должны строиться взаимоотношения мужчины и женщины — как партнерство или соперничество?

— Сегодня мне кажется так: если умная семья, то все ее силы бросаются на того, кто сейчас на гребне удачи, неважно, муж это или жена. Тяни меня — мой посуду, ходи в магазин, пылесось, — потому что я сейчас даю золото.

— Мне вспомнились "Старые стены", ваша героиня там — директор фабрики, преуспевающая социально и не вполне счастливая в личной жизни женщины. Насколько вы там играете сами себя?

— Царство небесное режиссеру Виктору Иванову Трегубовичу, он играл в лотерею: или Гурченко, известная по "Карнавальная ночь", проходит в серьезной "производственной" роли — вот такой анекдот, или мы оба горим, он как режиссер, я как актриса. Это был ход ва-банк. Картина полгода не выходила — нетипичный директор. Человечный. Это был революционный шаг на экране. Там у меня была фраза, единственная, которая не вошла в фильм: "Женщина-руководитель — это неверно. Женщины такие капризные, субъективные...". И вообще массу у женщины есть моментов чисто физиологических, которые от нее не зависят. Это очень интересная деталь, которую я взяла на вооружение для всей роли. Конечно, женщина-руководитель очень сильно обедняет себя. Если она будет в изящных бантиках — это же смешно. Никого не хочу обидеть, женщи-ну-руководителя я вижу издали, еще по походке. Работая над этой ролью, я убирала многое женское. А вот по-личному у меня много общего с героиней. Я стеснительный человек, я трудно схожусь с людьми, я тяжело верю...

— По тому, как вы работаете на сцене, этого не скажешь...

— Есть вещи, которые трудно объяснить. Я сижу за кулисами и думаю: какие удивительные люди — артисты: в зале столько народу, а они так раскованны, ничего не боятся. Да я никогда так не смогу! Сил нет — и это не возрастное, так было всегда: сил-то у меня вообще мало, я просто их коплю перед взрывом... И вдруг объявляют меня, пульс сто восемьдесят шесть, темно в глазах — и в то же время как будто что-то мне впрыснули такое, что это уже не я, и я лечу, и чистая голова, и пульс нормальный — наркотик, водка, адреналин! И пошло удовольствие, счастье. И все больше, больше. И я уже ничего не соображаю. Точно сказал Михалков: "Будет гореть дом — она сама бензин принесет". Понима-

ете? Чтобы только доиграть! Доиграла, все кончилось — и я думаю, что я наделала, ведь все уже сгорело... Не знаю, может быть, это кончится когда-нибудь.

— Когда-то артисты были кумирами, и люди собирали открытки в альбомы...

— Помню, приезжала в Харьков одна популярная актриса, и мы, девочки, забившись на дешевые места, ждали, что сейчас она споет песню из своего фильма. Но она отказалась, сказала, что болит горло. И я рыдала. Думаю, ну как же так, говорила громким голосом, а петь — "горло болит". Стану актрисой — буду петь даже с большим горлом! О, любимые артисты! Приехав в Москву, я помчалась в Театр Моссовета на Электровозодскую смотреть Любовь Петровну Орлову в пьесе "Нора". Прониралась сквозь эти толпы — Москвы не знала, все было страшно, незнакомо... Потом ВГИК, Тамара Макарова и Сергей Герасимов, я начинала понимать, что это живые люди, только надо много работать, чтобы научиться стать человеком: читать, учиться, пробовать себя, бросаться в импровизации, чтобы узнать, на что ты способна.

Вот о чем надо бы предупредить молодого артиста: что не будет ваша жизнь прекрасна и не будет ваша дорога вымощена цветами и деньгами, блестящими и перьями. А будет пожар, и будет пахнуть паленым, и будет вам пощипывать пальчики-ручки, и будет больно и страшно. И если хотите пройти этот путь, тогда идите.

Мы вышли из института с надеждами и мечтами, которым не суждено было сбыться. Я получила распределение на "Мосфильм", но не имела московской прописки и год болталась без работы, пока добрые люди не прописали меня на несколько месяцев. Как домработницу. А я уже была популярной артисткой, меня поджидали толпы, рвали пуговицы...

— Потом такого не было ни у кого.

— Все одешевилось: за 50 копеек на творческие вечера Бюро пропаганды киноискусства соберет всех артистов — могущих и не могущих выступать на эстраде. В кино ведь можно снять хороший профиль, хорошую улыбку, а скажем, голос и фигуру актеру заменят. И появилась масса "звезд", которые ничего не умеют. Seriously можно говорить ох как не о многих актерах — у нас был Миронов, которого восемь лет как нет, а сегодня он признан зрителями лучшим актером отечественного кино...

— Насколько я понял, вы скептически относитесь к встречам, которые организовывало Бюро пропаганды. И все же выступили на них. Без этого невозможно было прожить?

— Никак невозможно! Безденежье, безролье. "Простойную" зарплату в Театре киноактера платят какое-то время, потом и ее снимают... Да, я зарабатывала деньги. Но именно в этих концертах я научилась говорить с публикой, проходила свою собственную школу — пробовала: сегодня так, завтра иначе. Я относилась к этому свято. Помимо того, что получала за вечер свои шестнадцать тысяч, могла делать по четыре выступления в день. Потом, смотрю, получается по три, по два. А сейчас — одно, но в нем полжизни. Да что говорить! Как в сите: второстепенное, узанное и прожитое просеивается, остаются крупицы, которые ты заработала своей кровью, своим трудом, своими неудачами.

— Сейчас труднее стало работать?

— Нынешнее время непростое, но дает возможность быть самим собой. Восемьдесят пятый год показал, кто есть кто. Какие-то люди притворялись культурботниками, музидировами, а оказалось — мечтали открыть свою торговлю или уехать. Кто-то жаловался, что "ему не дают работать", не дают правду говорить или писать. Сейчас — пожалуйста, пишите. А нечего: они пришли пустые. Они были запрограммированы на то время, когда фигура в кармане и зловонный язык создавали репутацию непонятого гения. Должно было прийти новое поколение, чтобы возникла такая, например, невиданная раньше профессия, как телеведущий. Без бумажки. Пришли люди с правом высказывать свое мнение в прямом эфире. И с правом ошибаться, что тоже интересно, потому что в талантливом человеке интересно все.

— Где "вас больше" — в прежних временах или в нынешних?

— Это вы мне должны сказать... Не окунайте меня настоятельно в то время. Оно осталось там. Меня интересует жизнь сегодня. Интересует "сейчас". Главное — не изменить себя. А измениться внешне — проще простого. Я прекрасно чувствую сегодняшний день. Я понимаю, что такое мода, и никогда не буду выглядеть со стороны смешной. Может быть, это сочетание — позволю себе быть нескромной — делает меня интересной людям... Самая, по-моему, большая загадка в жизни — как быть современным человеком. Этому никто не научит. Современный человек заставляет людей подниматься над собой. Заставляет людей верить в свою высоту.

Беседовал Евгений НЕКРАСОВ. Фото Влада ЛОКТЕВА.